

БОВУАР VS БОВУАР:
ФИЛОСОФИЯ, ФЕМИНИСТСКАЯ ТЕОРИЯ
И «ПОЛИТИКА ЭКСТИНКЦИИ»¹

Мэри Хоуксворт²

Abstract

Although Beauvoir identified herself as an author *not* as a philosopher; and for more than three-quarters of her life, insisted that she was *not* a feminist, in this paper I explore tensions in *The Second Sex* between the philosophical Beauvoir and Beauvoir as a pioneering feminist theorist. By situating Beauvoir in relation to «the politics of extinction», a standard philosophical move that caricatures and dismisses feminism, I analyze the implications of the continuing discrediting of feminist knowledge production by those who accredit themselves as keepers of authoritative knowledge. In treating Beauvoir as a philosopher who changes course, as one who initially positions herself as a keeper of knowledge who polices the borders to keep feminists out but later changes her stance, we can learn something about the politics of extinction and how to move beyond it.

Keywords: Beauvoir, the politics of extinction, feminist theory and philosophy.

Симона де Бовуар считала себя литератором, а не философом. На протяжении трёх четвертей жизни она настаивала на том, что не является феминисткой. Тем не менее, по прошествии шестидесяти лет после выхода в свет *Второго пола* Бовуар признаётся и блестящим философом, чьи работы внесли весомый вклад в феноменологию и экзистенциализм,

¹ Несмотря на то что слово «экстинкция» не слишком привычно для русского уха, вероятно, именно этим термином наиболее точно схватывается специфика феномена, о котором идёт речь в статье. В физике термин «экстинкция» означает ослабление пучка света, распространяющегося в веществе за счёт действия поглощения и рассеяния. В социальной психологии экстинкцией называют метод коррекции поведения членов группы с отклоняющимся поведением, который основан на их игнорировании, отказе от поощрения. Таким образом, буквальное значение слова *extinction* включается в более широкий контекст: «политика экстинкции» – это политика последовательного игнорирования феминистской теории со стороны «официального знания», отказ признавать её достижения. «Политика экстинкции» сводит на нет все усилия феминисток, буквально «поглощая» и «рассеивая» их активность, что приводит, в конечном счёте, к угрозе вымирания феминистской теории. – *Прим. перев.*

² Mary Hawkesworth – PhD, Department of Women's and Gender Studies, Rutgers University, New Brunswick, New Jersey, USA.

и одним из самых значимых феминистских теоретиков XX века. Эта статья посвящена проявившемуся во *Втором поле* противоречию между двумя Бовуар: её ипостасями философа и основоположницы феминистской теории. Помещая фигуру Бовуар в контекст «политики экстинкции» – типичной философской реакции на феминизм, отвергающей и изображающей его в карикатурном виде, я анализирую последствия продолжающейся дискредитации феминистской теории со стороны тех, кто считает себя хранителями «официального знания». Мы можем глубже понять феномен «политики экстинкции» и пути её преодоления, если рассмотрим Бовуар в качестве философа, отказавшегося от подобной логики, несмотря на то что первоначально она позиционировала себя как полномочного представителя знания, охраняющего его неприкосновенность от феминисток, но позже изменила свою позицию.

Бовуар начинает *Второй пол* типичным философским жестом, изображая феминизм в карикатурном виде и отказывая ему в состоятельности:

«Достаточно чернил было истрачено на распри по поводу феминизма, с которым сейчас уже практически покончено, и возможно, на этот счёт не следовало бы произносить больше ни слова. Но разговоры продолжаются, несмотря даже на то, что этот грандиознейший нонсенс нашего столетия, похоже, так и не смог пролить свет на проблему».³

Этот жест я связываю с «политикой экстинкции», попыткой дискредитировать феминистское знание со стороны тех, кто считает себя носителями знания «официального». никоим образом не желая проявлять какой-то особый пиетет к философам, в этой статье я сфокусирую своё внимание непосредственно на них, поскольку именно философы эту тактику олицетворяют.

Несмотря на то что Бовуар отмежевывалась от феминизма на протяжении почти всей своей интеллектуальной карьеры, она присоединилась к протестному движению феминисток, мобилизовавшихся в 1972 против запрета абортов во Франции. Однако и до этого публичного акта солидарности Бовуар указывала на исключительную важность феминистской критики. Во *Втором поле* она употребила все свои феноменальные аналитические способности, чтобы показать многообразие противоречивого жизненного опыта женщин. Это сделало её первопроходцем феминистского анализа, который бросает вызов традиционному философскому подходу уже самой постановкой вопросов, признанием плюрализма и сложности, отказом редуцировать уникальность жизненного опыта женщин к какой-то одной упрощённой схеме.

Данная статья состоит из *трёх* частей. *Первая* представляет собой краткий набросок феминистской теории, которую Бовуар иронически называет «грандиознейшим нонсенсом». Вместо того

³ Beauvoir S. de (1949) *The Second Sex*. Trans. H.M. Parshley. New York: Vintage, 1974. P. xix.

чтобы сконцентрироваться на значительных вехах в производстве феминистского знания, предшествовавшего появлению трактата Бовуар, я обращаюсь к современным феминистским исследованиям, осмысляющим трансформации, которые существенно изменили мир со времён публикации *Второго пола*. *Вторая часть* статьи призвана раскрыть как проблему причастности Бовуар к «политике экстинкции», так и её борьбу с этим видом философской герметичности. *Заключительная часть* посвящена «политике экстинкции», где рассматриваются её всепроникающий характер и последствия.

«Грандиознейший нонсенс»: проблески феминистского знания

На протяжении последних шестидесяти лет мир пережил множество трансформаций, которые феминистские исследователи анализировали с возрастающей скрупулёзностью и систематизмом. Военные действия Второй мировой войны быстро сменились «холодной войной», подчинившей человечество амбициям двух хищнически разделивших мир на сферы влияния супердержав, чья внешняя политика основывалась на тактике устрашения посредством технологий взаимного уничтожения. С окончанием «холодной войны» точечные военные конфликты, срежиссированные супердержавами в локальных зонах, привели к междоусобным войнам, кульминацией которых можно считать геноцид на Балканах, в Руанде, Бурунди, Демократической Республике Конго, в Судане. Благодаря феминистским исследованиям последних десятилетий мы знаем, что большинство погибших в этих войнах – женщины. В то время как среди жертв Второй мировой войны было 50% женщин, среди погибших во всех военных конфликтах 1990-х женщин уже порядка 90%. Также известно, что женщины составляют 80% беженцев и что установившиеся после военных действий националистические режимы не заинтересованы в гендерном равенстве. Показывая, что вопреки стереотипам война – отнюдь не специфически «мужское дело», феминистские исследования войны как гендерного феномена впервые указали на связь этого явления со сложными системами принуждения и возвратом к традиционализму.⁴

Феминистские теоретики также обратились к изучению гендерных аспектов глобализации и демократизации, изменивших внутреннюю и внешнюю политику многих стран. Их исследования привлекли внимание к процессу феминизации, в то время как представители наиболее распространённых научных парадигм закрывали глаза на этот феномен. Глобализация, связанная с феминизацией рабочей силы, подчиняющей рабочих «казуализации труда»⁵,

⁴ See: Hawkesworth M., Karen A. *War & Terror: Feminist Perspectives*. Chicago: University of Chicago Press, 2008.

⁵ Под *казуализацией труда* в экономической социологии принято понимать утрату работником социальной защищённости, связанную с

некогда ассоциировавшейся с «женской работой», налагает дополнительное бремя на женщин, занятых как в официальном, так и в теневом секторах экономики. В результате перехода к рыночной экономике, инициированного неолиберализмом, даже социально-демократические и социалистические государства столкнулись с сокращением государственного сектора экономики и таких социальных институтов, как образование и здравоохранение. В сфере социальных услуг это привело к возвращению занятости женщин на прежний низкий уровень. Потеря рабочих мест и исключённость из экономической деятельности способствовали феминизации миграционных процессов, поскольку женщины вынуждены покидать дом в поисках заработка.

Феминизация, тем не менее, представляет собой нечто большее, чем просто преобладание женщин в определённой сфере. Феминизация труда включает в себя не только рост доли женщин в рабочей силе, но также и ухудшение условий труда (казуализацию, флексибилизацию⁶, нарушение международных трудовых стандартов, падение заработной платы и ухудшение социального положения работников)⁷. Феминизация миграции включает в себя не только транснациональные перемещения миллионов женщин, но и потерю ими физической безопасности, политических прав, права на телесную неприкосновенность. Как подчёркивают многие феминистские теоретики, своего рода эмблемой феминизации института гражданства становятся женщины-гастарбайтеры, а появившийся статус частичного гражданства подразумевает необходимость выплаты налогов, но не предоставляет избирательного права и урезает права на участие в общественных движениях, на достойные условия труда, свободу брачных союзов и репродуктивного поведения.⁸

переходом от долгосрочных трудовых контрактов к краткосрочным, а также с распространением т. н. фриланса – работы внештатным сотрудником без заключения какого-либо контракта. – *Прим. перев.*

⁶ *Флексибилизация труда*, то есть повышение гибкости использования рабочей силы с целью быстрого приспособления производства к запросам рынка, связана с нефиксированной специализацией труда, ростом частичной занятости и краткосрочного найма, что, в свою очередь, влечёт социальные риски для работника. Флексибилизация также часто подразумевает существование на предприятии управляющего меньшинства, работающего по долгосрочному контракту, в то время как подавляющее большинство рядовых сотрудников заключают лишь краткосрочные контракты и вследствие системно предусмотренной «текучки кадров» вынуждены часто менять место работы. – *Прим. перев.*

⁷ Moghadam V. *Globalizing Women: Transnational Feminist Networks*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2005. P. 7.

⁸ See: Parreñas R.S. *Transgressing the Nation-State: The Partial Citizenship and 'Imagined Community' of Migrant Filipina Domestic Workers* // *Signs* 2001. Vol. 26(4). P. 1129–1154; Parreñas R.S. *Servants of Globalization: Women Migration and Domestic Work*. Stanford: Stanford University Press, 2001; Rodriguez R. *Migrant Heroes: Nationalism, Citizenship, and the Politics of Filipino Migrant Labor* // *Citizenship Studies*. 2002. Vol.

Когда страна происхождения переселенцев перестаёт оказывать поддержку своим выходцам, «феминизированные граждане» начинают чувствовать уязвимость своего «безнационального» статуса, в то время как неолиберальная риторика пытается замаскировать негативные аспекты этого явления, описывая его в терминах самодостаточности и космополитизма.⁹

Феминизация бедности фактически означает, что 70% немущих составляют женщины, а «бедность» в целом конституируется как «феминизированная» категория, связываемая с зависимостью, недостаточной рациональностью, потребностью в руководстве.¹⁰ Рост транснациональных рынков сферы услуг приводит к «возвращению обслуживающего класса»¹¹. Повышение доли низкооплачиваемого труда является причиной феминизации предложения рабочей силы¹², поскольку, как предполагается, работники, получающие низкую зарплату, принимают модель поведения подчинённого субъекта, самоотверженного труженика. Неофициальный труд и казуализация приводят к «феминизации возможностей бизнеса»¹³, поскольку институт кредитования физических лиц подчиняется железной дисциплине «невидимой руки» рынка всё большее число женщин. В 2002 г. Всемирный Банк назвал «феминизацию выживания» решением проблемы глобальной бедности, вследствие чего семья, различные сообщества и целые государства стали ещё более зависимы от труда и благосостояния женщин, в то время как структурные силы глобализации всё более отдаляют перспективы снижения уровня бедности.

Логика «феминизации» сложна и противоречива. С одной стороны, приветствуется способность женщины стать кормилицей семьи, надёжным предпринимателем, гражданином-космополитом. С другой стороны, женщины позиционируются как «домашняя рабочая сила», эксплуатируемая в таком качестве и на глобальном уровне, как выброшенные на обочину жизни, бесполезные и бесправные члены диаспоры. В начале 1980-х Кристин Делфи выступила с тезисом о том, что «женская работа» считается женской не на основании специфики определённой деятельности, а по причине того, что само выполнение «женской работы» вынуждает занимать подчинённую позицию.¹⁴ «Феминизация» воспроизводит логику подчинения. Независимо от типа выполняемой работы, фе-

6(3). P. 347; Barker I.V. *The Privatization of Citizenship*. 2003 (unpublished manuscript).

⁹ Parreñas, *Servants of Globalization*, op. cit., p. 54–55.

¹⁰ See: Kingfisher C. *Western Welfare in Decline: Globalization and Women's Poverty* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002.

¹¹ Sassen S. *Global cities and Survival Circuits* // В. Ehrenreich, A.R. Hochschild (eds.) *Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*. New York: Metropolitan Books/Henry Holt, 2002. P. 259.

¹² Sassen, op. cit., p. 259.

¹³ Ibid., p. 263.

¹⁴ See: Delphy C. *Close to Home*. Amherst: University of Massachusetts Press, 1984.

минимизация влечёт порабощение, требуя, чтобы любое поручение исполнялось с определённой долей услужливости. В то время как патриархальная логика требует вверения женщин во власть мужчин в самом общем смысле, феминизация подчиняет «феминизированных субъектов» (и мужчин, и женщин) требованиям рынка, максимизации прибылей и коммодификации.¹⁵

Хотя феминизация и становится глобальным явлением, европейская экономическая и политическая интеграция трансформировала отношения между государствами и изменила геополитическую карту мира, сделав первоочередное внимание к гендерным проблемам условием вхождения в Европейский Союз. Обращение к гендерным проблемам государственных органов Африки, Азии, Австралии, Латинской Америки, Северной Америки, а также и Европы, связано с множеством противоречивых последствий. В некоторых случаях создание в стране женских «государственных аппаратов», например женских министерств, комитетов, комиссий по вопросам гендерного равенства, ощутимо улучшило условия жизни женщин. В других – существующие лишь на бумаге законопроекты, призванные решить гендерные проблемы, заменили реальную деятельность. А в Канаде, к примеру, правительство использовало программы гендерного равенства, чтобы вытеснить государственные учреждения, оказывающие всестороннюю поддержку женщинам.

Феминистский отдел Организации Объединённых Наций (UNIFEM) работает с региональными женскими организациями на международном уровне: его представительства, призванные защитить право женщин на безопасность и материальное благополучие, их политические и гражданские права, существуют на всех континентах. Такие государства, как Швеция, Норвегия, Нидерланды, сделали проблемы обеспечения гендерного равенства одной из главных инициатив своей внешней политики. «Фемократы», работающие в государственных учреждениях, борются за направление политических инициатив, которые соответствовали бы нуждам и интересам женщин, решали их проблемы, несмотря на полемику вокруг самого значения этих концептов, недостаток денежных средств, косность политических структур, частные интересы политических партий. В результате четырёх женских конференций, спонсором которых выступила ООН, 184 государства ратифицировали CEDAW – Конвенцию по устранению всех форм дискриминации женщин. Активисты по правам женщин в этих странах работают над тем, чтобы стимулировать изменения в конституциях, законах и социальных практиках в соответствии с положениями CEDAW. Существует практически всеобщий консенсус по вопросу поддержки Пекинской платформы действий. Феминистские активисты работают на региональном уровне, используя мониторинговые проекты ООН, пытаясь посредством программ «Пекин

¹⁵ See: Hawkesworth M. *Globalization and Feminist Activism*. Rowman and Littlefield, 2006.

плюс 5» и «Пекин плюс 10» подтолкнуть правительства своих стран к присоединению к Пекинской декларации.

Феминистские теоретики также обратились к изучению новых способов активистской деятельности, вызванных к жизни быстрыми темпами развития информационных и коммуникационных технологий, процессов мобилизации глобального гражданского общества и глобального феминистского сообщества посредством интернета, а также распространением неправительственных организаций, реконфигурацией отношений в семье, школе, городской среде, бизнесе, государстве и международных отношениях. Десятки тысяч организаций по всему миру, созданных женщинами и для женщин, призваны продвигать насущные нужды женщин в области политики, выстраивать продуктивные женские союзы, углублять понятия демократии и демократизации, предоставлять женщинам самую необходимую помощь. Они также стремятся стимулировать государственный и частный секторы к принятию большего числа женщин в свои ряды и к согласованию деятельности с интересами женщин.

Поле деятельности феминистского активизма необычайно широко: оно включает проблемы продовольственной и топливной политики, женского здоровья и репродуктивной свободы, образования для женщин и девочек, равенства мужчин и женщин при найме на работу и получении заработной платы, а также обеспечение безопасных условий труда, защиту от сексуальных посягательств, изнасилований, домашнего насилия и сексуального рабства. Кроме того, эта деятельность направлена на развитие прав женщин в контексте прав человека, в частности права женщин на материальное благополучие, гендерный баланс в государственных учреждениях, создание женских новостных служб в интернете, решение проблем, связанных с милитаризацией, разоружением после военных конфликтов, демобилизацией, СПИД.

Силами феминисток созданы новые парадигмы гуманитарного знания, бросающие вызов традиционному научному мировоззрению. Феминистские теоретики выступили против доминирующих дисциплинарных подходов к производству знания. Они поставили под вопрос андроцентризм, универсализирующий опыт одной части человечества и выдающий его за непререкаемую истину. Они бросили вызов силам, создавшим практики остракизма в научном сообществе, которые сделали возможными необоснованные обобщения, остающиеся неизменными на протяжении столетий или даже тысячелетий. Они искали и развивали альтернативные исследовательские стратегии, которые соответствовали бы феминистским целям социальных трансформаций. Многочисленность вопросов, которые становятся предметом феминистских исследований, и широта их проблемного поля впечатляют. Феминистские теоретики внесли значительный вклад в развитие ряда дисциплин, разрабатывая автобиографический, биографический, биологический, генеалогический, географический, герменевтиче-

ский, демографический, диалектический, дискурсивный, интертекстуальный, институциональный, исторический, культурологический, марксистский, нарративный, правовой, приматологический, психоаналитический, психологический, семиотический, сравнительный, статистический, структурный, социологический, телеологический, текстуальный, теоретический, феноменологический, философский, эконометрический, экспериментальный, этнографический анализ, а также бихевиоризм, гинекуритику, деконструкцию и метод кейс-стади с целью адаптации их к исследовательским задачам, призванным углубить наши знания о мужчинах и женщинах.

Бовуар: философская герметичность vs феминистский анализ

Несмотря на широкую распространённость и значимость феминистской парадигмы производства знания, она все ещё изображается в карикатурном виде и часто вслепую отвергается теми, кто считает своим долгом охранять неприкосновенность официального знания. Следствием этого является тенденция феминистских исследований циркулировать главным образом в феминистских же сообществах. Будучи изолированной от дискурсивного анклава, облечённого полномочиями «подлинной» философии, феминистская теория исчезла из публичного пространства задолго до того, как смогла достичь своих практических целей по преобразованию общества. Антифеминизм ранней Бовуар может приблизить нас к пониманию этого отторжения, даже учитывая то, что её специфически контекстуальный стиль мышления выявляет в феминистском знании такие особенности, которые способны вызвать у философов лишь праведный гнев. То, в каких терминах Бовуар высказывает своё неприятие феминизма, весьма показательно:

«Достаточно чернил было истрачено на распри по поводу феминизма... этот грандиознейший нонсенс нашего столетия, похоже, так и не смог пролить свет на проблему».

Воплощая философское неприятие нерасчленимой комплексности, Бовуар оказывается не особенно толерантной к полипарадигмальности феминизма. Подобно философам, интересующимся только универсальным и проявляющим нетерпимость к практико-ориентированному феминизму¹⁶, Бовуар уверена, что исследования женщин должны прийти к единому взгляду на проблему, универсальному мировоззрению. В отличие от многообразия подходов мыслителей-мужчин (в конце концов, мужчины-философы также не пришли к единому аналитическому подходу, а тем более – единому мировоззрению), наличие разных мнений среди феминисток считается заторным. Феминисток буквально вынуждают не-

¹⁶ Bach A.M. *Feminist Philosophy in Argentina: An Outline* // *Signs*. 2009. Vol. 34(2). P. 261.

медленно поставить некий однозначный диагноз женщинам, тем самым дойдя до самого основания проблемы.

В работе *Души чёрного народа*, увидевшей свет в 1903 г., У.Э.Б. Дюбуа указывает на опасность концептуализации наличия в обществе определённой социальной группы в качестве *проблемы*. Многие места из *Второго пола* свидетельствуют о том, что автор осмотрительно следует этому предостережению. Как феминистский теоретик, Бовуар искусно избегает утверждения о том, что большая часть человечества может быть измерена общим аршином. Более философские пассажи из Бовуар, однако, снова возвращают нас к универсализму в самой постановке проблем: *женщина как Другой; несуществующая женщина; женщина, укоренённая в имманентности*. Более детальное внимание к особенностям феминистской теории Бовуар поможет нам понять, в чём же, собственно, состоит разрыв между феминистской теорией и соответствующим философским течением.

Разрабатывая новую стратегию в феминистской теории, Бовуар сопротивляется философской тенденции к тотальному обобщению, настаивая на том, что «ничего, что касается тела, не дано априори»¹⁷. Она смещает традиционный аналитический фрейм с дискурса о женской «природе» к исследованию социальных значений, культурного контекста, а также политических интересов, которым подчинены те или иные теории женственности. Она конструирует особый способ контекстуального анализа, который изучает тело как нечто, что одновременно даёт и отнимает свободу и как таковое требует детального исследования с учётом исторических обстоятельств. Бовуар как теоретик феминизма предлагает чрезвычайно убедительные идеи и в то же время периодически снова скатывается к универсализму, пускаясь в размышления на основании социобиологии, эволюционной и когнитивной психологии. Однако даже эта избыточная сложность культурной сверхдетерминации бледнеет в сравнении с так называемым императивом научности, обращаемым в качестве требования к проблеме гендерных различий, императивом, который в XXI веке навязчиво повторяется как новая версия биологического детерминизма.

Бовуар как феминистский теоретик была особенно сильна в разоблачении претензий сциентизма и чрезмерных философских обобщений. Она эксплицировала способы, с помощью которых наука исподволь выдаёт социальные роли за роли, предопределённые самой природой. Подчинённая позиция женщин конструируется посредством отрицания многофакторности и специфичности и подаётся как «естественные обстоятельства, которые в принципе не подвержены изменению»¹⁸. Но Бовуар настаивает:

¹⁷ Beauvoir, op. cit., p. 9.

¹⁸ Ibid., p. xxiv.

«В действительности, реальность истории не менее неизбежна, чем природа»¹⁹.

Бовуар была безжалостна в критике учёных, навязывавших веру в то, что яичники, матка, гормоны, хромосомы, менструация или беременность полностью определяют судьбу женщины. Она была также язвительна в отношении отвлечённых философических размышлений, концептуализировавших женственность как платоновскую Сущность. Она разоблачает эти продукты философского воображения как «мужские фантазии»²⁰, которые поспособствовали культурно-обусловленным попыткам сделать женщин податливыми диктату мужчин.

«Мужчина определяет женщину в отношении к самому себе, она не мыслится им как автономное существо, она то, чем он повелевает, она – “пол”. Она появляется для мужчины прежде всего в качестве существа, наделённого полом, потому что он сам создаёт её именно такой».²¹

Детально исследуя естественные науки, религию, право, философию, психологию, литературу, культуру, институт образования, Бовуар как феминистский теоретик очерчивает сложные стратегии осуществления гендерной власти, используемые мужчинами для производства женщины в качестве Другого. Приводя в действие двойные стандарты, которые Бовуар прямо называет «половой дискриминацией», мужчины «производят на женщин моральное и интеллектуальное воздействие, притом настолько фундаментальное, что кажется, что его плоды являются не чем иным, как первоосновой [женской] природы»²². Сравнивая практики внедрения в сознание женщин императива пассивности, покорности и подчинения с механизмами угнетения афроамериканцев и евреев, Бовуар проводит параллели между ростом внимания к расовым проблемам и феминизацией. Она отмечает, что такие последствия являются делом рук целых цивилизаций:

«Цивилизация как таковая производит это промежуточное между мужчиной и кастратом создание, называемое женщиной»²³.

Отвергая редукционизм материалистического подхода, иллюзорные мечты о свободе сартрианского метафизического волюнтаризма, а также лингвистический детерминизм входящего в силу постструктурализма²⁴, Бовуар как феминистский теоретик обрисовывает проблему тела как многофакторную, динамическую и ком-

¹⁹ Beauvoir, op. cit., p. xxv.

²⁰ Ibid., p. xix.

²¹ Ibid., p. xxii.

²² Ibid., p. xxxii.

²³ Ibid., p. 267.

²⁴ See: Kruks S. *Retrieving Experience: Subjectivity and Recognition in Feminist Politics*. Ithaca: Cornell University Press, 2001.

плексную, описывая тело как «осадок истории, запечатлевающий наш образ жизни в мире и способ существования мира в нас»²⁵. Будучи исключительно чуткой в отношении всепроникающих эффектов власти визуального, различных интеллектуальных систем и материальной культуры, Бовуар предлагает феноменологию сложнейших процессов, «разделяющих человечество на представителей двух классов, лица, тела, улыбки, походки, интересы и занятия которых кардинально отличаются»²⁶. Подчёркивая, что эти отличия всегда конструируются при помощи власти, Бовуар предостерегает от романтизации полового различия. Провозглашая свободу для самих себя, мужчины используют половое различие для того, чтобы приговорить женщину к «имманентности (*en soi*): жизни, представляющей собой животное приспособление к любым условиям»²⁷. Бовуар требовала признания несправедливости этой формы притеснения и предупреждала женщин об опасности идти на поводу у демагогии, которую мужчины научились разводить по поводу гендерного равенства с наступлением эры демократии, продолжая одновременно утверждать, что женщины никогда не станут равными им.²⁸ Она предупреждала женщин об опасности уклончивого дискурса, основанного на абстрактном понимании равенства, который делает из этой проблемы неразрешимую дилемму: или, с одной стороны, у женщин нет оснований для недовольства, поскольку они уже достигли равенства (независимо от своего материального положения), или, с другой стороны, стремление к большему равноправию напрасно, так как социальное положение женщин отражает «естественные пределы, положенные самой природой»²⁹.

Вместо принятия этого «равенства в различии», которым мужчины «одаривают» женщин, Бовуар призывает женщин заявить о своём праве на свободу, бороться против недостойных условий существования, пытаться преодолеть стечение различных обстоятельств и двойные стандарты, сделать потенциальное актуальным и тем самым превратить свою жизнь в осознанный выбор. Бовуар, сделавшая свободу своего рода «жизненным проектом», описала своё понимание «равных возможностей»³⁰ и призвала индивидов к преодолению предзаданных ограничений, налагаемых на телесность, поступая в соответствии с собственной свободной волей. Исходные «различия не должны рассматриваться как сущностные оппозиции или застывшие индивидуальные особенности, а должны быть отражены в контексте изменений, которые они претерпевают на субъективном и интерсубъективном уровнях»³¹. Провозглашая свободу своим неотъемлемым правом, женщины могут

²⁵ Moi T. *What is a Woman?* Oxford University Press, 1999. P. 68.

²⁶ Beauvoir, op. cit., p. xx.

²⁷ Ibid., p. xxxv.

²⁸ Ibid., p. xxxii.

²⁹ Beauvoir, op. cit., p. xxxii.

³⁰ Ibid., p. 5.

³¹ Ibid., p. 39.

учреждать новые жизненные стратегии, преобразовывать господствующее мировоззрение, трансформировать практики угнетения или, в конце концов, создавать политические объединения для достижения различных свобод.

Кроме того, как феминистский теоретик Бовуар борется против соблазна философского высокомерия, разоблачая силы, питающие «политику экстинкции». Этим она демонстрирует угрозу, которую феминистские теории представляют для традиционной философии. Становясь на сторону плюрализма и комплексности, феминистская теория бросает вызов претензиям философии на универсальность, а также необоснованному распределению власти философами, охраняющими неприкосновенность границ так называемого «официального» знания.

Политика экстинкции

Обращение к философской, а не феминистской ипостаси Бовуар обнажает многие проявления «политики экстинкции». Если, как я полагаю, феминистская теория обнаруживает слабые места философии, которая продолжает держаться за ложные универсалии, то, следуя этой логике, мы также можем приблизиться к пониманию, почему именно тактика искажения и отвержения выбрана провалившимся философским проектом в отношении феминизма. Философии гораздо проще неверно истолковать и игнорировать этот интеллектуальный вызов, чем принять его достоинства.

Прежде чем обратиться к последствиям «политики экстинкции», необходимо выяснить, насколько соответствует действительности моя характеристика позиции философии в отношении феминистской теории. С этой целью я собрала мнения феминистских философов из разных стран.

Вдумайтесь в следующие утверждения. Из Германии:

«Утверждение о том, что феминистская теория стала развитой областью немецкой философии, совершенно необоснованно. Здесь она повсеместно сталкивается с изоляцией ... подавляющее большинство философов по-прежнему полностью её отвергают. Симптоматично, что многие публикации, которые призваны дать оценку современным тенденциям в этике или философии права, совершенно не принимают во внимание достижений феминистской теории в области этики или гендерных аспектов права – их даже не включают в примечания и библиографию. Такое отношение также сказывается при приёме на работу».³²

Из Румынии:

«Антифеминистские силы [в Румынии] были намного более значительными, чем собственно готовность воспринять феминизм.

³² Nagl-Docekal N. Feminist Philosophy in German: A Historical Perspective // *Hypatia*. 2005. Vol. 20(2). P. 2–3.

Два типа патриархального консерватизма – левый коллективизм, наследующий коммунизму, и правые силы, стремящиеся преобразовать коммунистическое прошлое, – фактически основные идеологии как научного сообщества, так и публичной сферы».³³

Из России:

«Несмотря на серьёзные трансформации за последние двадцать лет – правовое государство, многопартийную систему, рыночную экономику, либерализм и даже права человека, – в России не оказалось места для прав женщин и феминизма... [который] понимался исключительно как “западный феномен, который провозглашает необходимость противостояния мужчинам и представляет собой угрозу русским национальным ценностям”».³⁴

Из Аргентины:

«Томизм был доминирующей философской школой в Аргентине в период военной диктатуры; из северного полушария пришла сюда и аналитическая философия, имеющая дело с универсалиями и характеризующаяся эпистемологическим авторитаризмом. Она слабо согласовывалась с феминизмом, ориентированным на практику... .. Феминизм трансгрессивен, и потому научные дискуссии часто пытаются ... завуалировать его критические аспекты, дабы не потерять интеллектуальный авторитет, позволяющий играть по правилам, диктуемым научными институциями».³⁵

Из Нигерии:

«Феминистские активисты борются с идеологическими попытками управлять женщинами посредством унифицированной системы верований... Возврат к религии, национальной культуре, традициям обещает защищённость, в то время как всё остальное подаётся как хаос и сумятица. Глобализация предполагает изменения в массовой культуре, включая сексуализацию женщины... [в результате которой] женское тело становится полем репрезентации определённого этоса. В то время как экономические и политические трансформации (колониализм, глобализация) часто интерпретируются лишь в контексте допустимых в обществе манеры поведения и облика женщин, реальной проблемой является государственный контроль женщин».³⁶

Из Танзании:

³³ Miroiu M. An Exotic Island: Feminist Philosophy in Romania // *Signs*. 2009. Vol. 34(2). P. 233.

³⁴ Voronina O. Has Feminist Philosophy a Future in Russia? // *Signs*. 2009. Vol. 34(2). P. 252–256.

³⁵ Bach A.M. Feminist Philosophy in Argentina: An Outline // *Signs*. 2009. Vol. 34(2). P. 261–262.

³⁶ Charmaine P. Setting Agendas for Feminist Thought and Practice in Nigeria // *Signs*. 2009. Vol. 34(2). P. 267.

«Попытка обратить внимание на сложные проблемы – феминистские проблемы – участь одинокого изгоя, тщетно пытающегося достучаться до правительства, представителей бизнеса, общества».³⁷

И из «оплота свободы» – США:

«Мы можем отметить ключевых феминистских философов – Джудит Батлер, Нэнси Фрейджер, Элизабет Гросс, Сандру Хардинг, Айрис Янг, – которые нашли свою нишу на междисциплинарных кафедрах риторики, сравнительного литературоведения, педагогики, политологии, женских и гендерных исследований, но отнюдь не философии.

Если мы хотим полностью уяснить принцип действия “политики экстинкции”, нам следует вернуться к строкам, открывающим *Второй пол*, которые содержат ключ к разгадке ещё одного важного измерения этого феномена. Отвергая феминизм, Бовуар делает это весьма высокомерно: “[с феминизмом] сейчас уже практически покончено, и возможно, не стоит говорить о нём больше ни слова”³⁸. Безо всяких весомых аргументов Бовуар с лёгкостью хоронит феминизм, смерть которого отнюдь не очевидна. Бовуар, иницировавшая это погребение заживо, была в шаге от того, чтобы примкнуть к легионам могильщиков феминизма, но удержалась от этого и в дальнейшем активно противостояла другим проявлениям “политики экстинкции”³⁹.

Несмотря на беспрецедентный рост феминистской активности во всем мире, периодически повторяющиеся заявления о смерти феминизма превратились в типичный приём «политики экстинкции». Приписываемый феминизму упадок почему-то связывают с внутренними процессами самого феминизма. В обыденном языке смерть феминизма возникает как явление полностью автореферентное, описываемое посредством метафор суицида («наложил на себя руки»), естественной смерти от старости («отпущенный ему срок вышел») или как следствие внутреннего раздора в феминистских рядах. То, что социологи называют разделением труда и специализацией, присущей долгосрочно существующим организациям, могильщики феминизма изображают как фрагментацию и рассогласование. То, что феминистки воспринимают как непросто давшийся им урок (а именно, необходимость сделать феминизм подлинно международным движением посредством смещения фокуса с проблем белой западной женщины, относящейся к среднему классу, на проблемы равноправия женщин разных рас и национальностей, живущих в странах Африки, Латинской Америки и Азии, борьбу с расизмом, гомофобией, нормативным диктатом гетеро-

³⁷ Salmi M. Women's Rights as Human Rights: A Perspective from Tanzania // *Presented at the Mid-Atlantic Women's Studies Association Meeting*. Rutgers University, New Brunswick, New Jersey. March 26, 2009.

³⁸ Beauvoir, op. cit., p. xix.

³⁹ See: Hawkesworth M. On the Semiotics of premature Burial: Feminism in a Postfeminist Age // *Sigms*. 2004. Vol. 29(4). P. 961–986.

сексуальности, империализмом), критики описывают как передозировку всевозможными культурными различиями.

Текстуальный подход к феномену неприятия феминизма показывает, что оно является аллегорией чего-то *иного*, средством, служащим для распознавания собственного страха перед феминизмом в качестве потребности его вытеснить. Отвержение феминизма – своего рода способ, необходимый сообществу для того, чтобы определить самого себя посредством выявления тех, кого из этого сообщества необходимо исключить, способ конструирования социального пространства таким образом, чтобы в нём для феминизма не осталось места. Границы жизненного мира прочерчиваются так, чтобы исключить любое присутствие феминисток. «Политика экстинкции» описывает феминизм как явление уже неактуальное, как то, что должно быть преодолено, отброшено и побеждено. Легким движением руки феминизм был приговорён к скорому исчезновению, а его манифесты названы скоропортящимися задолго до того, как феминистки достигли социальных трансформаций, к которым стремились. Феминизм как интеллектуальное течение был объявлен погибшим, а феминистки, продолжающие идти к своим пока нереализованным целям, не по своей воле оказываются вне поля видимости.

Политика остракизма также ставит под вопрос реализуемость попыток женщин достичь равенства, утверждая, что действительное (*status quo*) – разумно. Многие считают феминизм неудачным экспериментом, а его упадок трактуют как ещё одно доказательство истинности существования некоей «естественной роли» женщины, «традиционной мужественности и женственности». Функция феминизма в такой его интерпретации сводится к демонстрации невозможности равенства между мужчинами и женщинами как такового. Всё это приводит нас к выводу, что попытки представить феминизм умершим равнозначны отречению от идеалов полового равенства и гендерной справедливости. Они означают восприятие асимметричных властных отношений в качестве естественного порядка вещей и принятие непреодолимого разрыва между мужчиной и женщиной и как идеи, и как жизненной реальности. Именно эту дилемму абстрактного понимания равенства и обнажает Бовуар.

Бовуар стремилась совместить феминизм с актуальными проблемами равенства прав в буржуазном обществе. Но феминизм, как в 1949 г., так и сейчас, далеко не сводится лишь к своей либеральной ветви. В то время как либеральный Запад приравнял демократизацию к неолиберальным экономическим реформам и либерально-демократическим политическим трансформациям, феминистские теоретики и активисты отметили рост неравенства как внутри капиталистических государств, так и между развитыми и развивающимися странами. Феминизация бедности, которая, как отмечают феминистки, переросла в глобальный феномен, является явным свидетельством ограниченности тех мер, которые неолибе-

рализм считает достаточными для достижения так называемого устойчивого развития. Деятельность феминисток в странах Азии, Африки и Латинской Америки, направленная против структурных экономических реформ Всемирного Банка, показывает, насколько смехотворны заявления о том, что капитализм является лекарством от бедности.

Продолжающаяся борьба феминисток за достижение гендерного баланса в правительствах, за возможность женщин наравне с мужчинами участвовать в принятии решений как в публичной, так и в частной жизни, представляет собой вызов либеральным демократическим режимам, в которых женщин несправедливо мало: они занимают менее 20% мест в органах исполнительной власти. Многие феминистки примкнули к антиглобалистскому движению, стремясь свергнуть доминирующие экономические и политические системы.

«Политика экстинкции» вытесняет феминистскую теорию и активизм из поля зрения общественности. Внутреннему обществу восприятие феминизма как чего-то инертного, она элиминирует деятельность миллионов женщин во всём мире, которые не покладая рук борются за социальную справедливость. Устраняется всё, чем феминистская активность может угрожать существующей системе, и в то же время система продолжает поддерживать миф о том, что содействие женщинам постоянно находится на повестке дня неолиберализма. «Политика экстинкции» устраняет феминистскую критику из обыденного сознания посредством небрежного отвержения, приводящего к социальной амнезии, и таким образом уничтожается угроза ценностям доминирующего режима, проливая на его раны бальзам забывчивости.

Феминистки, провозглашая ориентацию на проблемы женщин, создавая методы гендерного анализа, который фокусировался бы на женщине, развивая программы политической деятельности в соответствии со специфическими потребностями и интересами женщин, настаивая на том, что подчинённое положение женщин – недопустимая несправедливость, выдвигают множество аргументов, которые мужские сообщества, политические режимы и международные институты не признают правомерными. Вместо того чтобы принять сильные стороны феминизма, на него закрывают глаза, вытесняют из неолиберальных политических проектов и публичного пространства. Ограничивая сферу деятельности феминистского активизма, а также оспаривая общественное признание его политической действенности, «политика экстинкции» скрывает феминизм цепями инертности, хороня его, выражаясь словами Бовуар, под «сумрачным грузом иного»⁴⁰.

«Политика экстинкции» стремится не просто к изгнанию феминизма из определённых областей – она стремится уничтожить его, рисуя принципиальную «инаковость», исключаящую его до-

⁴⁰ Beauvoir S. de *The Ethics of Ambiguity*. Trans. B. Frechtman. New York: Philosophical Library, 1947. P. 7.

пуск внутрь того или иного сообщества. «Политика экстинкции» совершенно бездоказательно пророчит скорый исход феминизма (среди аргументов – лишь смутные намеки на увечья, нанесённые феминизмом самому себе, и «естественные причины» упадка), пытается перечеркнуть достижения феминистских теоретиков в борьбе за социальную справедливость, их активистскую деятельность, скрыть следы своих преступлений и ставит несправедливость выше избавления от неё. Бовуар как философ допускала заигрывания с «политикой экстинкции», но позже ей изменила. Как феминистский теоретик, она проложила альтернативный путь анализа феномена женщины с учётом его сложности и сверхдетерминированности, отвергая высокомерие ложного универсализма и «политику экстинкции». Вероятно, лучший способ почтить память Бовуар как экстраординарного феминистского теоретика – продолжить борьбу с искушением философской герметичностью и её плачевными результатами, борьбу за будущее феминизма.

Перевод *Лидии Михеевой*